

Но, быть может, об ощущении после смерти ты знаешь вернее, чем о Воскресении, которое когда-то наступит, – из-за которого нас и обвиняют в предрассудках. Но ведь и об этом проповедует душа. Ибо если о человеке, давно уже умершем, спрашивают как о живом, то самое обычное дело сказать: "Он уже ушел, но должен возвратиться".

5. Эти свидетельства души чем истиннее, тем проще, чем проще, тем доступнее, чем доступнее, чем известнее, тем естественнее, а чем естественнее, тем божественнее. Не думаю, чтобы кому-то они могли показаться вздорными или смешными, если он поразмыслит о величии природы, по нему и нужно судить о достоинстве души. Сколько ты дашь наставнице, столько же присудишь и ученице. Природа – наставница, душа – ученица. Все, чему научила первая и научилась вторая, – сообщено Богом, а Он Руководитель самой наставницы.

А что душа может составить себе представление о Верховном Наставнике, об этом можно судить по той душе, которая есть в тебе. Вчувствуйся в ту, которая сделала тебя способным чувствовать. Познай прорицательницу в пророчествах, толковательницу в знаменаниях, провидицу в событиях. Разве удивительно, что душа человеку от Бога, способна прорицать? Так ли удивительно, что она знает Того, от Кого дана? Даже стесненная недругом, помнит она о своем Творце, о Его благодати и заповеди, о своем конце и даже о своем недруге. Так ли удивительно, что она, данная от Бога, вещает то, что Бог дал знать своим?

Тот, впрочем, кто не считает подобные проявления души поучением природы или молчаливыми посланиями врожденной совести, – тот, скорее, усмотрит в этом обыденный и даже порочный способ вести беседу при помощи расхожих, да к тому же книжных мнений. Несомненно, душа старше буквы, слово – старше книги, а чувство – старше стилия, и сам человек – старше философа и поэта. Но разве поэтому нужно думать, что до появления литературы и ее распространения люди были немые без таких речей? Разве никто не говорил о Боге и Его благодати, о смерти, о преисподней?

Речь, мне кажется, была бедна; но ее и вообще не могло быть в отсутствие того, без чего даже и сейчас она не может стать лучше, изобильнее и разумнее, – если не существовало еще того, что ныне так легко, привычно и так близко, что рождается почти на самых губах, – то есть письмен не было в мире прежде чем, как я думаю, не родился Меркурий. А откуда же, спрашиваю я, в сами эти сочинения попало и распространилось в речи то, чего ни один ум никогда не представлял, ни один язык не произносил, ни одно ухо не слышало? Да ведь Божественное Писание, которое есть у нас и у иудеев, к дикой маслине коих и мы привиты, много старше языческих сочинений, в большинстве не слишком древних, – как мы показали это в своем месте для утверждения его достоверности. И если душа заимствовала свои речения из сочинений, то, надо полагать, несомненно из наших, а не из ваших, ибо древние сочинения более способны наставить душу, нежели позднейшие, которые и сами полагались на поддержку первых. Ибо если мы и допустим, что душа получила наставления из ваших сочинений, все же наставление это восходит к первоначальному истоку, а он целиком принадлежит нам, как и все, что удалось заимствовать из наших сочинений и передать другим. А поскольку дело обстоит именно так, то не слишком важно, создано ли сознание души, самим Богом или же Божественными сочинениями. Почему же ты хочешь, человек, чтобы все это вошло в прочный повседневный обиход из твоих человеческих сочинений?

6. Итак, доверяй своим сочинениям, тем более, – как мы разъясняем, верь божественным, но особенно, – по решению самой души, – верь природе. Выбери из этих сестер истины ту, которую ты считаешь более верной. Если в своих сочинениях ты сомневаешься, то ни Бог, ни природа не обманут. А чтобы поверить природе и Богу, верь душе, – и тогда окажется, что ты и себе поверишь. Душу ты ценишь в меру того, чем она тебя сделала, ей ты принадлежишь целиком, она для тебя – все, без нее ты не можешь ни жить, ни умереть, ради нее пренебрегаешь и Богом. А раз ты боишься стать христианином, – спроси ее: почему, почитая других, она славит имя Божье? Почему, браня духов, взывает к демонам? Почему заклинает небо и проклинает землю? Почему служит в одном месте, а защитника ищет себе в другом? Почему судит о мертвых? Почему на устах ее речи христиан, которых она не желает ни слышать, ни видеть? Почему она научила нас этим речам или переняла их у нас? Почему она или учила, или училась?

При такой нескладности жизни складность учения подозрительна. Ты неразумен, если эту складность станешь приписывать только нашему или греческому языку (которые в родстве между собою) – до такой степени, что пренебрежешь всеобщностью природы. Душа сошла с небес не только для латинян или аргивян. Человек одинаков во всех народах, различны лишь имена; душа